

Н. В. КОВАЛЕНКО

«ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ» КАК ЧАСТЬ ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ Н. И. БУХАРИНА¹

В работе проводится разбор «Злых заметок» Н.И. Бухарина, содержащих резкую критику лирики Сергея Есенина. Автор анализирует содержание «Злых заметок» в контексте основных идей Бухарина и обращается к духовной и интеллектуальной атмосфере первых двух десятилетий XX века. В статье делается вывод о том, что содержание «Злых заметок» полностью соответствует основным идеям Бухарина в отношении российского/советского общества, а резкая критика есенинской поэзии обусловлена тем, что последняя несла в себе тенденции, несовместимые для Бухарина с текущими задачами общества переходного периода, оказывала значительное деструктивное влияние, в том числе на молодежь.

Ключевые слова: Бухарин, Есенин, культура, «Злые заметки», советское общество

Значительное место в работах и выступлениях Н.И. Бухарина (1888–1938) занимают вопросы культуры и художественной литературы как неотъемлемой и важнейшей ее части, специфика их развития для разных обществ. Как главный идеолог партии, в 1920-е гг. Бухарин сыграл важную роль в выработке политики партии в области художественной литературы. Будучи популярен в мыслящей и читающей среде, особенно среди молодежи, он оказал большое влияние на формирование отношения к художественной литературе и литературным вкусам².

Бухарину отводится особое место среди большевиков – как интеллектуалу, заступнику за таланты и гуманисту. Но одна из его работ вызвала противоположные оценки – это «Злые заметки», где в резкой, местами грубой форме критикуется лирика Сергея Есенина. «Злые заметки» были впервые опубликованы в январе 1927 г. в «Правде», затем вышли отдельной брошюрой (1927), а также вошли в сборник «Этюды» (1932), содержащий статьи о путях развития культуры и искусства в молодом советском обществе и о наследии крупнейших представителей отечественной и зарубежной литературы. Содержащие острую критику творчества одного из самых выдающихся поэтов России, «Злые заметки» вызвали немалый интерес – и острую реакцию в отношении личности их автора – не только у профессиональных исследователей, но и у многих литераторов, публицистов, у «читающей публики».

¹ Работа выполнена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ).

² Взгляды Бухарина на общество, искусство и литературу – предмет интереса многих исследователей с конца 1980-х: Савченко 1990; Лайне 1991; Устинов 2007; Фрезинский 1993; Ярошевский 1988; Флейшман 1990; Ковалев 1988.

«Злые заметки» на первый взгляд противоречат идеям Бухарина и провозглашенному им сравнительно либеральному курсу в литературной политике. Задача настоящей работы – определить место «Злых заметок» в идейном наследии Бухарина, понять, каким образом они, с их кажущейся противоречивостью, стали продолжением его идей.

Тенденциозные, резко негативные оценки деятельности и личности Бухарина в связи с написанием «Злых заметок», имели место в публицистике Перестройки и начала 1990-х – без детального разбора работы и идей Бухарина в области культуры, художественной литературы и общественной жизни в целом³. Противоположная тенденция была связана с «бухаринским бумом» времен Перестройки – авторы этого направления, указывая на в целом положительное отношение Бухарина к творчеству Есенина и подчеркивая высокую оценку им таланта поэта, связывали негатив «Злых заметок» исключительно с неприятием Бухариным «есенинщины» как явления – пьянства и хулиганства в бытательской, молодежной, творческой среде⁴. Однако «кабацкие» стихи Есенина – органичная часть его поэзии 1920-х гг. Поэтому, как, в частности, замечено В.П. Казариным⁵, такая оценка «Злых заметок» также представляется тенденциозной. На сложность бухаринских оценок лирики Есенина иногда указывается⁶, но их суть не объясняется.

В дальнейшем, начиная с середины 1990-х, изучение интеллектуального наследия и деятельности Бухарина переходит на новый уровень, и тенденциозные оценки его идей и личности (от идеализации до демонизации) сменяет более взвешенный и научный подход. Однако «Злых заметок» эти изменения как будто не коснулись: в их отношении сохраняется все тот же тенденциозный подход. Тем самым этот подход сохраняется, соответственно, и в отношении обширного комплекса идей Бухарина, связанных с литературной и культурной политикой, советским обществом и искусством, а также в отношении литературной политики советской власти в 1920-е гг. в целом. На основе «Злых заметок» делаются выводы о жестком выхолащивании властями литературного творчества уже в 1920-е гг., о неприятии крестьянского направления в поэзии как такового, отказе от какого бы то ни было плюрализма в литературной тематике, курс на которые якобы и озвучил Бухарин как главный идеолог партии⁷. Бухарина также обвиняют в русофобии (Ю. Емельянов), сведения посредством «Злых заметок» личных счетов

³ См., напр.: Прокушев 1988.

⁴ «Бухарин отделял Есенина – талантливого русского поэта – от “есенинщины”, того культа кабатчины, который присутствовал в ряде его стихов, ходивших по рукам и смаковавшихся обывателем». Горелов 1988. С. 120. См. также: Лацис 1988.

⁵ Казарин 2000.

⁶ Савченко 1990. С. 27.

⁷ Куняев С.С., Куняев Ю.С. 2010. С. 13, 432–433.

с поэтом (В.С. Пашина, Л.В. Занковская), в использовании их в качестве орудия внутривластной борьбы против Троцкого. (О.А. Лекманов, М.И. Свердлов)⁸. Чтобы выяснить причину появления «Злых заметок», в первую очередь следует обратиться к многочисленным работам и выступлениям самого Бухарина, так или иначе затрагивающим вопросы художественной литературы, задачи культурной политики, развитие после революционного советского общества в целом.

Сущность литературного творчества и общество переходной эпохи по Бухарину. В своих многочисленных работах Бухарин указывал на крайне низкий уровень культуры большинства населения к моменту и в первые десятилетия после революции. Господствующий и наиболее сознательный, т.е. рабочий, класс представлял собой абсолютное меньшинство в крестьянской стране. Это был не тот класс, который ко времени взятия власти, перехода к «своей» формации достиг культурного уровня, когда можно управлять государством, создавать иные, более высокого уровня, общественные структуры во всех областях, как это было с буржуазией. Рабочий класс «созревает» уже после взятия им власти, т.е. после социалистической революции имеет место достаточно длительный переходный период, задача которого – культурный подъем победившего класса⁹. В России ситуация осложнялась значительной культурной отсталостью масс, характерными чертами которой были инертность, неграмотность, забитость, отсутствие элементарных культурных навыков. Это подразумевало обширное поле деятельности в области воспитания и образования масс: не только распространение грамотности, но и прививание принципиально нового отношения к работе, хозяйству, семье, личности, государству, обществу. Более отдаленной перспективой для Бухарина (эта идея развивалась им в основном в работах 1930-х гг.) становилось появление личности нового уровня – свободной, мыслящей, духовно одаренной, высоко интеллектуальной и гуманной – незнакомой старому миру. Способствовать всему этому должна была художественная литература.

Художественная литература по Бухарину имела крайне важное значение в формировании представления об окружающей действительности, «духовного стержня», становления личности, а также для восприятия массами текущих основополагающих процессов, отношения к ним, для формирования у них определенного настроения и системы мышления. Таким образом, литература должна была играть одну из ключевых ролей в культурной политике и формировании идеологии новой власти. В этом случае Бухарин указывал на постоянное «взаимо-

⁸ Емельянов 1989. С. 240–243, 292; Пашина 2006. С. 40–48; Занковская 1997. С. 249–250, 363–364; Лекманов, Свердлов 2011. С. 564–565.

⁹ См., напр.: Бухарин 1924. С. 216–241.

проникновение» базиса и надстройки. Будучи продуктом последней, т.е. явлением по природе своей вторичным, художественная литература, тем не менее, оказывала значительное влияние на процессы в обществе. Все это обусловило пристальное внимание Бухарина к литературной жизни в 1920–1930-е гг., формирование им обстоятельной концепции литературной политики. Одной из ключевых составляющих культурной политики властей в этом случае становилась политика в области искусства и в первую очередь литературы. Подразумевалось активное участие власти и государства в протекающих в литературной жизни процессах – в формировании ориентиров, задач, направлений творчества и, с другой стороны, потребностей и литературных вкусов.

Восприятие произведений искусства и литературы как его составляющей для Бухарина подразумевало два критерия. Одним из них был художественный уровень произведения, его эстетическая составляющая. Другой, и равный для него по значимости, критерий – то, насколько в произведении была реализована основная задача любого автора – отображение ключевых, судьбоносных процессов и явлений современной ему действительности. Писатели и поэты прошлого, оставившие наиболее ценное наследие, – те, кто был способен заглянуть за пределы своего круга и социального слоя, характерных для них образа мышления и понятий, охватить мыслью все социальное пространство, ощутить «биение жизни», понять перспективы будущего. В качестве примеров Бухарин, в частности, приводил творчество Гёте и Гейне¹⁰.

Вместе с тем Бухарин считал, что каждой эпохе присуща своя, определяемая «базисом», система мышления, миропонимания, которая пронизывает все человеческое существование, в т.ч. науку, искусство, художественную литературу¹¹. Строящееся советское общество должно было иметь систему мировосприятия, которая подразумевала принятие как прогрессивных происходящих социальных преобразований. В искусстве и литературе, ее отражением должен был стать социалистический реализм. Его произведения должны были отражать реальную действительность, не приукрашивая, не идеализируя ее, охватывая большое разнообразие тем и сюжетов, все значимые явления жизни – человеческие взаимоотношения, природу, общество и т.д. Это новое искусство не подразумевало обеднение культуры в силу отказа от части ее наследия, не должно было в перспективе обязательно создавать почву для «выхолащивания» художественной составляющей. По его мнению, любое общество существовало в своей, господствующей системе мышления, а искусство, литература и наука ставились на стражу интересов господствующих классов и создаваемого ими государства. Отличием

¹⁰ Бухарин 1932. С. 143–176.

¹¹ См., напр.: Бухарин 1924. С. 171–215.

новой системы мышления и культуры должен был стать рационализм, повернутость к человеку, обращение к высшим ценностям¹².

Культуру Запада и элитарную культуру «дооктябрьской» России Бухарин рассматривал как переживающую необратимый в рамках буржуазного строя упадок (отражение кризиса «базиса»). Упадок выразился в искусстве, философии, мировоззрении и в художественной литературе. Неуверенность в завтрашнем дне, тревога за судьбы цивилизации, пессимизм, уход от действительности, обращение к мистицизму, отказ от рационализма, устоявшихся норм, восприятие рока, неотвратимости как непреложного закона, обращение к религии, мифологизация и идеализация прошлого были характерными чертами литературного творчества этого периода. Талантливые представители декадентов, символизма, других авангардных направлений, концепции «чистого искусства», создавая произведения высокого художественного уровня не могли настоящему выразить ключевые процессы действительности, понять их в перспективе¹³. Такое искусство обладало высоким деструктивным потенциалом в отношении строящегося и переживающего большие трудности нового общества и развития его литературы – подобные настроения были свойственны значительной части творческой интеллигенции.

Бухарин высоко ценил творчество тех представителей авангарда, кто, не разделяя идеологии большевиков в целом, понимал и принимал тотальность и необратимость происходивших в стране процессов, трактовал их как движение вперед, отражал это в своих произведениях на высоком художественном уровне. Например, в ряде статей и выступлений Бухарин давал высокую оценку творчеству Блока, Брюсова, Пастернака. При этом у него, в соответствии с указанными критериями, разное отношение к разным периодам их творчества и произведениям. Бухарин высоко ценил позднее творчество Брюсова, раннее же было для него отражением упадка буржуазной культуры, в творчестве Блока им была отмечена поэма «Двенадцать» как пример высокоталантливого отображения масштаба и значимости происходивших в стране процессов, но вместе с тем непонимания автором основы этих процессов, ключевых их составляющих, обращение к варварству, «казиатчине» как «глубинным основам» русской культуры¹⁴. Творчество Пастернака, высоко ценимое Бухариным за художественный уровень, произведения о Ленине и революции, имело такие, по его мнению, недостатки, как глубокая индивидуальность образов и переживаний, недоступность их для кого-либо, кроме самого поэта, – в лирике должно было содержаться то, что затрагивало бы чувства и темы, актуальные для множества

¹² См., напр.: Бухарин 1993. С. 122–124.

¹³ Бухарин 2009. С. 208, 215.

¹⁴ См., напр.: Бухарин 1934. С. 488–490.

людей, общества конкретной эпохи, доносило бы их в высокохудожественных, но доступных широкому пониманию образах¹⁵.

Ситуация и литературное творчество 1920-х гг. Первые послеоктябрьские десятилетия воспринимались Бухариным как необходимый переходный период от старого, буржуазного к новому, социалистическому обществу. Общество переходного периода по Бухарину отличается социальной неоднородностью, подразумевающей большие различия в области культуры, образования, ментальности, что не могло не отразиться на литературном творчестве. Последнее стало предметом острых дискуссий Бухарина со сторонниками немедленного создания «чисто пролетарской» поэзии, жестких идеологических рамок для нее, в частности, с напостовцами¹⁶. Бухарин был автором Постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., подразумевающего в качестве длительной перспективы сосуществование разных школ и направлений в литературе (лояльных, естественно, в отношении новой власти и строя в целом), в т.ч. крестьянской поэзии и прозы.

Одной из главных проблем, постоянно отмечал Бухарин, оставался низкий культурный уровень масс и соответственно низкий уровень художественного творчества их представителей – а ведь именно рабочие и крестьяне, как победившие классы, могли лучше всех отразить в нем ключевые процессы действительности. Бухарин указывал на угрозу подмены настоящего искусства «бревном с красным флагом», он отмечал как негативное явление ориентацию многих авторов на примитивные запросы масс и создание поэзии на уровне агиток, отказ от восприятия лучшего из богатого литературного наследия прошлого¹⁷.

Наиболее полно идеям Бухарина соответствовало творчество Маяковского и особенно Горького¹⁸. Их творчеству Бухарин посвятил несколько обстоятельных статей¹⁹. Обладая великим талантом, они вместе с тем имели прогрессивные взгляды, соответствующие задачам эпохи, более того, они были «плотью от плоти» классов, занявших историческую арену. В произведениях Горького («Мать», «Исповедь», «Жир Бу-

¹⁵ Там же. С. 494–495.

¹⁶ См., напр.: Бухарин 1993. С. 67–77.

¹⁷ В частности, в своем выступлении на Первом съезде советских писателей Бухарин подчеркивал, что новому обществу, способному в перспективе к беспрецедентному раскрытию личности, должен соответствовать высокий уровень культуры и литературного творчества. – Бухарин 1934. С. 479–480.

¹⁸ С Горьким имела место тесная дружба и длительная переписка, где затрагивались вопросы литературной политики и культурного строительства. См.: Письмо Бухарина Горькому, после 23 июня 1925 г.; РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 72–76; Письмо Горького Бухарину от 4 января 1930 г.; от 23 июля 1930 г.; от 11 декабря 1930 г.; Письмо Горького Бухарину, 1935 г.; Суровцева 2014. С. 18–21.

¹⁹ Бухарин 1993. С. 195–200; С. 141–143; С. 310–311; Фрезинский 1993. С. 25–27.

лычѐв...» и др.), как и в написанных «на злобу дня» стихах и поэмах Маяковского, выступают представители важнейших классов и групп. Как достоинство этих авторов и их произведений Бухарин неоднократно подчеркивал апелляцию к разуму и просвещению, указание (в особенности у Горького) на безграничные возможности и ценность человеческой личности в новых условиях, на перспективу подъема ее на новый уровень и насыщенность этих задач для властей и общества²⁰.

Негативные тенденции в отечественной художественной литературе, отмеченные Бухариным в 1920-е гг. были отражением потрясений, переживаемых страной в послеоктябрьское десятилетие. Пережившее революцию и Гражданскую войну общество претерпевало глубокие изменения социальных и культурных основ, всего жизненного уклада. Вместе с тем в этих условиях задачи литературного творчества были важными как никогда – формирование верного восприятия происходящих процессов, их разворота во времени, сути и целей строительства нового общества, т.е. создание нужной духовной атмосферы, настроения у масс. Последнее представлялось Бухарину столь же важным, как выработка и распространение собственно государственной идеологии. Поэтам и писателям посредством власти над умами следовало способствовать верному пониманию массами происходящего и недопущению распространения кризисных явлений в духовной жизни. Советский поэт и писатель должен быть «в гуще жизни». Отражением этой позиции и стало появление ряда статей и отдельных высказываний Бухарина, содержащих резкую критику творчества некоторых известных авторов.

В качестве яркого примера можно привести высказывания Бухарина о творчестве Ильи Эренбурга и Л. Гумилевского. В одном из выступлений Бухарин подверг резкой критике написанный в эмиграции его другом с юности Эренбургом сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1928; впервые опубликован в СССР в 1989 г.). Это сатира на все ключевые начинания советской власти и на их результаты. Главный герой Лазик, скромный портной, старается быть сознательным гражданином, и следует во всей своей жизни и деятельности установкам новой идеологии, вдохновителями его деятельности выступают в разных случаях пролетарские поэты, руководители ячеек, реальные известные большевики. В силу этого Лазик постоянно попадает в нелепые ситуации²¹. В романе Л. Гумилевского «Собачий переулок» в качестве типичных представителей, казалось бы, одной из наиболее передовых и активных групп общества – нового студенчества – выступают распущенные и циничные молодые люди. Эти качества выработаны у них именно радикальными новыми теориями. Студенты, как наиболее обра-

²⁰ См., напр.: А<лексей> П<ешков>. 1934. 22 апр.; Спиридонова 2004. С. 66–122.

²¹ Эренбург 2002.

зованные и передовые, поставлены просвещать остальную молодежь – главный герой ведет политграмоту у молодежи с местной фабрики, пытается внушить свою «мораль» понравившейся девушке-работнице.

Для Бухарина появление произведений такой направленности представляло серьезную деструктивную тенденцию, несло в себе значительную опасность для состояния общества уже на новом, постреволюционном, т.е. созидательном, этапе. «Великая строительная работа, – писал он, – не исключает нового мещанства... Ухватить его (в художественном произведении. – *Н.К.*) чтобы... мещанину пришлось кисло... разве это было бы плохо?... А у нас? Уж если заскулят, так заскулят!.. Собачьи переулки, Лазики Ройтшванецы – дышать нельзя...»²² Отношение к роману-сатире Эренбурга и творчеству Гумилевского разительно отличалось от оценок, например, сатиры Маяковского – ее Бухарин, как и все творчество поэта, высоко ценил. В поэзии Маяковского, как известно, можно встретить достаточно резкие выпады в отношении советской действительности, у него много стихотворений и поэм с характерными названиями – «Мразь», «Надоело», «Прозаседавшиеся», «О дряни», «Клоп», «Нагрузка по макушку», «Критика самокритики» и др. Однако Маяковский приветствовал начинания новой власти как таковые, в отличие от указанных авторов, не представлял их неизбежным следствием необратимые и жестокие «искажения» и «деформации», видел выход в постоянной борьбе с отдельными изъянами, что соответствовало взглядам Бухарина. Понимание ключевых процессов в новом обществе и его задач у Маяковского, по Бухарину, органично сочеталось со здоровой критикой негативных сторон: «Какого злого, сильного, кусачего врага нашло себе в Маяковском наше мещанство, перерожденческое подхалимство!.. Какие великолепные громы и молнии обрушил Маяковский на духовную заскорузлость... оказывание быта и нравов, бюрократизм больших и малых чинуш и сутяг!»²³.

В 1920-е гг. значительной проблемой Бухарину и другим большевистским интеллектуалам представлялось широкое распространение через художественную литературу чуждых и деструктивных представлений, обусловленное тем, что значительная часть творческой интеллигенции, связанная происхождением с зажиточным крестьянством, мещанством, старой интеллигентско-дворянской средой, отражала представления этих слоев и была подвержена идеям «сменовеховского толка», согласно которым вставшая на путь нэпа Советская Россия постепенно и безболезненно вернется к капиталистическим отношениям и ценностям. Историческая роль революции и большевиков в этом случае – то, что они «расчистили путь» новым, прогрессивным тенденциям.

²² Бухарин 1993. С. 142; см. также: Фрезинский 1999.

²³ Бухарин 1993. С. 146–147.

Осложняло ситуацию культурное превосходство этих слоев вкупе с отсталостью масс и отсутствием, за редким исключением, высокохудожественных образцов литературного творчества их представителей. Одним из основных источников указанного влияния представлялась поэзия (и проза) новокрестьянских поэтов. Есенин, как известно, был наиболее ярким представителем группы новокрестьянских поэтов, куда входили также Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, А. Ширяевец. Их произведение, особенно в начале 1920-х гг., выходило в многочисленных индивидуальных и коллективных сборниках. Базовым в новокрестьянской поэзии является идеальный образ Руси, с гармоничной связью человека, природы, земного и небесного, восходящей к глубинам народной культуры, крестьянским укладом – Голубая Русь и Китеж-град Есенина, Белая Индия Клюева, Ржаная Русь Орешина. Среди других образов наиболее известны Святой Никола, странствующий по деревням, крестьянская изба Клюева как модель Вселенной. Революция мыслилась новокрестьянским поэтам как духовное преображение, в неразрывной связи земного и небесного, как снисхождение Третьего Завета – этому посвящены поэмы Есенина о революции («Инония», «Октоих», «Иорданская голубица» и др.), «Красная песня» Клюева, стихи Ширяевца о казацкой, мужицкой «вольнице». Проза некоторых известных авторов 1920-х гг., например, Всеволода Иванова по тематике была отчасти близка к новокрестьянской поэзии и прозе²⁴. У новокрестьянских поэтов были многочисленные последователи (среди них П. Дружинин, раскритикованный как один из многих, подобных ему, в «Злых заметках»), чья поэзия была наполнена более или менее похожими образами – в зависимости от кругозора и уровня таланта. Новокрестьянская поэзия, помимо ее вершин, творчества Есенина и Клюева, была широко представлена, мягко говоря, неоднозначными образами – такими как «штаны, блины, царевны и дураки» и «аржаные мужики» у Дружинина, изба, которая «тянет сытым самогоном» у Орешина и пр. Поэзия этого направления, в силу известного постановления 1925 г., благоволившего литературным попутчикам, имела широкие возможности для публикации (в т.ч., на попутчиках «специализировалась» «Красная новь» А. Воронского – один из наиболее популярных и известных литературных журналов).

Идейной базой для новокрестьянских поэтов, как и для младших символистов, было распространенное на рубеже веков широкое философское течение, на интеллектуальном и культурном поле которого находились Русская идея, идеи евразийства, русского мессианства, славянофильства. От него новокрестьянскими поэтами, было воспринято неприятие современной западной цивилизации и идея особого пути страны, ее культурное преображение и возвышение на основе соб-

²⁴ Папкина 2009. С. 300–316.

ственных истоков, в данном случае через глубинные, потаенные ключи культуры крестьянской России²⁵. Им были близки идеи О. Шпенглера, противопоставление «Запад–Восток», «культура–цивилизация», в их случае противопоставлялись деревня и город как живое и железное²⁶.

Другим отражением негативной ситуации в литературе для советских и не только государственных и творческих деятелей был имажинизм. В 1919–1924 гг. Есенин принадлежал к имажинистам, и с ними связывались хулиганство, буйство, выражения и образы в стихах за пределами допустимого, нигилизм в отношении морали и культуры, именно через творчество и деятельность имажинистов зачастую рассматривалась жизнь и поэзия Есенина современниками²⁷.

Основные мотивы творчества Есенина 1920-х гг. Остановимся подробнее на ключевых мотивах поэзии Есенина, так или иначе связанных с критикой Бухариным его творчества²⁸. Для Есенина и других новокрестьянских поэтов революция подразумевала духовное преображение общества на вековых глубинных основах народной культуры и религиозных представлений. Таким настроем проникнуты поэмы «Октоих» и «Инония» (1918). Но уже с 1919 г. в многочисленных произведениях проходит тема острого несоответствия целей, методов и результатов происходящих в стране преобразований. В 1919, 1920 и 1921 г. соответственно были написаны знаменитые «Кобыльи корабли» «Сорокоуст» и «Песнь о хлебе», наиболее ярко это тревожное мироощущение отразившие. В прозе оно было изложено Есениным в «Ключах Марии» (1918). Основное содержание этих произведений – новая цивилизация, строительство нового общества при прогрессивной и созидательной идее несут в себе всепроникающие жестокость и насилие, рушат существующие в мире основополагающие связи человека и природы, человека и предков, незыблемые до этого жизненные основы, преступают законы всего мироздания как сложного живого организма и человеческой жизни как его части. Подобная ломка не может привести к прогрессу общества, его гуманизации – цель и средства явно не подходят друг другу. В стихах Есенина этого периода очень часто встречаются мотивы убийства, насилия, смерти, противопоставление железного и живого. Символическим вершителем этого насилия в ряде стихотворений выступает машина или связанное с ней (поезд, мельница, шоссе), а жерт-

²⁵ См., напр.: Савченко 2014. С. 146–173 и др.; Воронова 2013. С. 30–38 и др.

²⁶ Тиме 2010.

²⁷ См., напр.: Луначарский 1921; Трубецкой 1993; Талызин 1993.

²⁸ Именно лирика Есенина стала объектом бухаринской критики. Поэмы Есенина, в т.ч. такие политически заостренные, как «Пугачев» и «Страна негодяев», в «Злых заметках», как и в других статьях Бухарина, не рассматриваются. Помимо лирики Есенина, у Бухарина можно встретить только упоминание о «Ключах Марии» в его докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934 г.).

вой – животное, деревня, сам человек, т.е. люди и природа, все живое как единый организм. Строительство нового общества приводит к трагическим и необратимым изменениям в душах людей, иссяканию в них человечности, замене на чуждое ей, «железное». Животные в стихах становятся жертвами жестокости человека в силу происходящих в его душе необратимых процессов, но, в отличие от него, остаются верными своей «живой» природе, гармонии мироздания, отсюда и любовь к ним лирического героя («Сорокоуст», «Исповедь хулигана» и др.).

Непосредственно связан с этим другой комплекс тем есенинской лирики. Начиная с 1919 г. в ней можно встретить мотивы скорой и неизбежной собственной смерти, безвозвратного ухода молодости, старения. В стихах 24–30-летнего Есенина, вплоть до самых последних (1925), они встречаются очень часто. В качестве примера можно привести хрестоматийные «Отговорила роща золотая...» (1924) и «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). Творчеству Есенина этого периода также присущи мотивы внутреннего одиночества и опустошенности, отрешенности от сильных чувств, разочарования. Характерно это и для любовной лирики. Один из ярких примеров – «костер рябины красной», который никого не может согреть. Темой ряда стихотворений стало воспоминание о былых, безвозвратно ушедших чувствах, о прошлой жизни как о светлом и навсегда ушедшем времени. Частым мотивом становится разочарование в любви, верности, возможности личного счастья. В стихах передано критическое, даже циничное отношение, подразумевающее неизбежность поверхностных чувств, «легкое» отношение к их объекту, неспособность к чувствам серьезным («Сыпь, гармоника!..», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» и др.). Для сравнения можно вспомнить многочисленные образы девушек-березок («Мой путь» и др.). Восторженные их описания могут составить контраст со многими образами женщин – героинь стихотворений, далеких от идеала лирического героя, с такими же, как у него, угасшими чувствами, состоянием внутренней пустоты («Пусть ты выпита другим», «Какая ночь! Я не могу...», «Мне грустно на тебя смотреть...» и др.).

Данные мотивы обусловлены неприятием методов и результатов происходивших в стране изменений – в этой ситуации трагическое разрешение имеет вопрос самореализации как поэта, своего места в новой действительности. К лирическому герою ряда стихотворений приходит понимание: «Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен» («Возвращение на родину», «Русь советская», «Русь уходящая» и др.). Мотив собственной старости подразумевает принадлежность к старой, ушедшей эпохе. Столь часто встречающийся мотив смерти, ее приближения и угасания чувств объясняется ощущением отчужденности, неприкаянности в новой действительности. Все это остается в душе лирического героя даже после принятия происхо-

дивших изменений в целом как положительных – это выражено в ряде поздних стихотворений. По сюжету поэт, видящий значимые положительные изменения, глубокие созидательные процессы, хочет поставить свой талант им на службу и, таким образом, найти свое место в новом обществе. Вместе с тем он не может принять полностью происходящее, «всей душой» и внутренне «переделав» себя. Так, в известном стихотворении «Русь уходящая» лирический герой хочет «бежать за комсомолом», но тут же признает, что невозможно «старикам за юношами гнаться... Они несжатой рожью на корню / Остались догнивать и осыпаться». Отсюда мучительные раздумья о своем творчестве и прожитых годах, глубокий внутренний конфликт как тема многочисленных поздних стихотворений («Метель», «Русь уходящая», «Письмо матери», «Ответ [матери]»; Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...», «Мне грустно на тебя смотреть...», поэма «Черный человек» и др.).

Звучащие в знаменитом цикле «Москва кабацкая» (1924) мотивы пьянства и хулиганства связаны с указанными выше мотивами. Во многих стихах «Москвы кабацкой» и более поздних можно встретить объяснение причин подобного состояния и поведения лирического героя, его «забубенной» славы («Снова пьют здесь, дерутся и плачут», «Пой же пой. На проклятой гитаре...» и др.). Кабацкая эпопея стала для лирического героя следствием наблюдения им необратимых трагических процессов вокруг, своего отчуждения и неприятия на их фоне – по этой причине «Заливаю глаза вином, / Чтоб не видеть в лицо роковое, / Чтоб подумать хоть миг об ином» (Снова пьют здесь, дерутся и плачут...).

Восприятие поэзии Есенина в 1920-е годы. «Злые заметки» были опубликованы, когда в советском обществе уже не один год, начавшись еще при жизни поэта, на разных уровнях шло обсуждение в критическом ключе поэзии Есенина и поэтов его направления, особенно ее негативного влияния на молодежь. Диспуты в вузах проходили с участием видных большевистских деятелей, литературных критиков и поэтов разных направлений. Еще до выхода «Злых заметок» стало широко распространенным понятие «есенинщина» как синоним негативного настроения к действительности, распущенности, пьянства и хулиганства, некультурного, с элементами эпатажа поведения в целом, «богемщины». Наиболее податливым материалом стала молодежь, учащаяся, рабочая, комсомольская, творческая. «Есенинщина», помимо непосредственного деструктивного влияния в отношении культуры, подразумевала распространение и усиление среди молодежи подавленности, пессимизма, неверия в будущее, разочарования – всего того, что и так имело место в условиях 1920-х г., с неприглядными сторонами нэпа, массовой бедностью и неустроенностью, в особенности рабочей и студенческой молодежи, другими проблемами молодого Советского государства. Предметом внимания властей стало также большое количество само-

убийств среди молодежи после гибели Есенина. В этой ситуации значимым фактором было то, что поэзия Есенина начиная с первых революционных лет имела колоссальную популярность, особенно среди молодежи, его собственные сборники, сборники с участием поэтов-имажинистов и новокрестьянских поэтов, как и отдельные стихи, были хорошо известны в России и в начале 1920-х гг. вышли в Берлине и Париже. В Советской России у Есенина, в основном среди молодежи, появилось множество последователей и подражателей, писавших «под Есенина» – в их стихах повторяются разобранные выше мотивы.

Наиболее известен диспут в Комакадемии «Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина» (1927), с докладом Луначарского и выступлениями К. Радека и Л. Сосновского, Владимира Маяковского, крупнейших советских литературных критиков Вячеслава Полонского и Александра Воронского и др. Но он был далеко не единственным, как не единственными в своем роде, а лишь наиболее известными потомкам и современникам были «Злые заметки» и более ранние статьи большевика Л.Н. Сосновского и поэта Л.Е. Крученых на тему «развенчайте хулиганство!» о поэзии Есенина. Известный есениновед Ю. Прокушев, что важно, осуждающий негативное отношение Сосновского и Бухарина к поэзии Есенина, заметил, что вышедшая в 1924 г. «Москва кабацкая» сразу получила очень большое количество негативных отзывов²⁹. В качестве критиков отдельных образцов есенинской поэзии выступали и в целом высоко ценившие творчество Есенина А. Воронский, А. Луначарский, В. Полонский, Г. Устинов. В силу своего лояльного отношения к литературным попутчикам и особенно к Есенину они подвергались критике со стороны радикальных литературных групп, таких как «На посту», сторонников «чисто» пролетарской поэзии. Маяковский, высоко ценя талант Есенина в целом, выступая в молодежных аудиториях, указывал на есенинщину как негативное явление. Горький, также его высоко ценивший, в известном письме Бухарину написал, что «талантливый плач Есенина» – не та поэзия, которая в настоящий момент нужна и актуальна³⁰. Много негативных отзывов о поэзии Есенина было также в эмигрантской прессе и публицистике того времени. Самый известный критик Есенина из видных русских эмигрантов – И. Бунин. Его знаменитые своей резкостью «Инония и Китеж»³¹ созвучны по оценкам «Злым заметкам». Подобное отношение к поэзии Есенина можно встретить у Зинаиды Гиппиус, Алексея Толстого, Николая Устрялова, Д.П. Святополка-Мирского, В.Ф. Ходасевича и многих других³².

²⁹ См. об этом: Бубнов 2014; 2005.

³⁰ Савченко 1990. С. 133–141, 208–221.

³¹ Бунин 1925.

³² См.: Русское зарубежье о Есенине. С. 79–84, 333–356 и др.; Гусева 2005.

Всех критиков есенинской поэзии объединяло негативное отношение к тем ее мотивам, которые для них отражали худшие черты некультурности масс. Именно «кабацкие» стихи (из сборников «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» и др.) стали объектами наиболее резкой критики из-за имеющихся в них мотивов пьянства, хулиганства, буйства, грубости лирического героя по отношению к женщине. Многие критики разных взглядов сходились на том, что в поэзии Есенина затрагивались обширные пласты народной культуры, содержащих в себе хулиганские, «удалые» мотивы, мотивы «разинщины»³³. Проблема культурной отсталости страны на рубеже и в первые десятилетия XX в. была одним из главных предметов внимания в отечественном интеллектуальном пространстве, как в творчестве И. Бунина, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова и др., так и в идеях русских марксистов, в т.ч. большевиков. Интересно, что в то время как советские деятели обличали «есенинщину», а многие современные исследователи – их самих за «посмертную травлю» поэта, некоторые критики эмиграции, в частности Бунин, объясняли популярность творчества Есенина поддержкой и поощрением его со стороны большевиков как «своего» – малокультурного представителя отсталых народных масс, на которые большевики сделали ставку.

Советские и многие эмигрантские критики поэзии Есенина также сходились в неприятии ее как наиболее яркого проявления новокрестьянской поэзии. За годы до появления «Злых заметок» о поэзии Есенина, Клюева и др. как о поэзии «мужиковствующих» писали такие лояльные к попутчикам и Есенину деятели, как Л. Троцкий (известный своей речью, посвященной памяти Есенина как трагически погибшего поэта высочайшего поэтического мастерства и таланта)³⁴ и А. Воронский – главный редактор «Красной нови»³⁵, на страницах которой постоянно печатались попутчики, в т.ч. Есенин. И советские, и эмигрантские критики отмечали как присущие такой поэзии идеализацию и мифологизацию прошлого и настоящего русской деревни, народной жизни и культуры. Критики советские, даже наиболее лояльные к есенинской и в целом новокрестьянской поэзии, видели в ней тревожный симптом. Идеализированный образ сельской России, представление отдельных ее черт как чего-то органически ей присущего и подлинно «народного», в т.ч. и черт наиболее отсталых (вроде «соломенных хат», полных «тайной овсяны», или религиозных атрибутов и архетипов, неприемлемых для большевиков) и образы города и техники как ей враждебного создавали ложные препятствовали пониманию необходимости социальных, культурных, хозяйственных преобразований.

³³ См., напр.: Толстой А. 1993; Устрялов 1993.

³⁴ См., напр.: Троцкий 1922; 1926.

³⁵ См., напр.: Воронский 1924.

Критика поэзии Есенина со стороны Бухарина. При внимательном чтении «Злых заметок» видно, что они состоят из нескольких тематических частей. Каждой теме посвящен ряд абзацев или отрывков, которые чередуются друг с другом. Эти тематические части представляют собой оценки Бухариным есенинской поэзии с разных сторон и в непосредственной связи со взглядами Бухарина в разных областях.

Начинаются заметки с критики не Есенина, а П. Дружинина – одного из многочисленных подражателей новокрестьянских поэтов. Бухарин подробно останавливается на вышперечисленных и отмеченных его современниками негативных чертах и деструктивном влиянии этой поэзии, отмечая давность и распространенность литературной традиции, в рамках которой развивалась новокрестьянская поэзия, и косвенно указывая на ее связь со славянофильством и возникшими на его почве философскими течениями. При этом Есенин отмечен как наиболее яркий представитель этой поэзии, благодаря таланту и популярности которого она имеет притягательность для многочисленных поклонников и подражателей, у которых высокохудожественные и наполненные глубоким смыслом образы из поэзии Есенина и Клюева заменяются на примитивные и невнятные – как штаны, блины, «тайная овсяна» и деревенские дураки у Дружинина: «С легкой руки Сергея Есенина, этой “последней моды” дня, у нас расплодилось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от этих самых “истинно русских” блинов»³⁶.

Другая центральная тема – культурная отсталость как основная проблема страны. Особое значение Бухарин придавал культурному подъему молодежи как ее будущему, чему он посвятил много статей и выступлений в молодежных аудиториях, сборник с характерным названием «Борьба за кадры» (1926). Крайне опасным он считал укоренение и, более того, культивирование в молодежной среде оставшихся от прошлого негативных проявлений в отношении труда, личности, женщин и такие явления, как пьянство, «мордобой», распространенность типа «хорошего парня», т.е. “не дурака выпить”, погулять... подебоширничать, “набить морду“, “покрыть матом“, с прохладцей работать...»³⁷. Молодой лирический герой Есенина с его хулиганством, пьянством, удалью «озорного гуляки», «забияки и сорванца», славой «похабника и скандалиста» являл собой крайне актуальный негативный пример для подражания. На есенинскую поэзию прямо и косвенно указывает Бухарин в данном контексте по крайней мере еще в двух работах, а они сами имеют подзаголовок «О социальном значении поэзии Есенина». В этой ситуации кабацкие и хулиганские мотивы есенинской поэзии, стали для Бухарина предметом наибольшего возмущения.

³⁶ Бухарин. Злые заметки. С. 106.

³⁷ Бухарин 1993. С. 115–116; С. 119–201; и др.

Тесно связана с предыдущей другая тема – возведение в достоинство как национальных и истинно русских антикультурных черт в сочетании с неприятием ненационального как чужеродного. Несколько раз повторяются в «Злых заметках» слова «русский», «национальный» и производные от них в связи с искажением этих понятий в есенинской поэзии: «новейший национализм а-ля *mojik russe*», «юродствующий квази-народный национализм», «опозитизированное хулиганство гуляющих “истинно русских” ухарей»³⁸. Бухарин отмечает это явление как широко распространенное и укорененное в царской России и оставшееся в качестве негативного наследия в обществе новом, с такими чертами, как буйство, разинщина, стихийность и анархизм, «душа широкая и забубенная», как у «гуслеяра со струнами, частью оборванными от чрезмерных порывов русской души»³⁹. Идея национального превосходства и неприятие иной культуры проходит во многих работах Бухарина и других большевистских идеологов как неискорененное наследие прошлого. Будучи до революции частью идеологии царской власти⁴⁰, «великорусский шовинизм» сохранял после революции деструктивное влияние. По Бухарину, поэзия Есенина и других новокрестьянских поэтов способствовала сохранению в массах шовинизма и представлений о стране как о «Руси Ивана Калиты» – через образы Голубой Руси, Руси чудесной и др. В докладах, посвященных проблеме великорусского шовинизма, Бухарин прямо указывал на роль в этом поэзии Есенина и новокрестьянских поэтов⁴¹, которая являлась проводником сменовеховских настроений и, соответственно, влияния тех слоев, которые их разделяли.

В «Злых заметках» возведению негативных черт в достоинство национальных как актуальной проблеме посвящен большой отрывок, где (в т.ч. посредством отсылки к ленинским работам) разбирается понятие истинной и ложной национальной гордости. Бухарин не был противником, как это утверждают некоторые современные его критики, национальной культуры и ее отражения в поэзии, что же касается поэзии Есенина и других новокрестьянских поэтов, она способствовала как раз сохранению ложной национальной гордости, и в этом состояла опасность ее влияния: «...“великорусская нация” дала в лице своего рабочего класса несравненные образцы героизма, революционной страсти и великой творческой энергии. Всем этим мы, великороссы, можем и должны гордиться. Но вот что интересно: у нас в литературе уже поднялась как на дрожжах, *другая* “гордость великороссов”, которая воспева-

³⁸ Бухарин. Злые заметки. С. 106–107.

³⁹ Фовицкий 1993. Эмигрантские критики были солидарны с Бухариным в отношении их распространения и укорененности, указывая на Есенина как носителя этих черт в силу крестьянского происхождения. См.: Толстой 1993. С. 293; Устрялов 1993.

⁴⁰ См., напр.: Бухарин 2009. С. 57.

⁴¹ Бухарин 1927.

ет именно наше *рабское прошлое*... Оно – в темноте. Оно – в мордобое. Оно – в пьянстве... Оно – в матерщине... Оно – в остатках шовинизма... Оно – в свинском отношении с женщиной...»⁴².

В «Злых заметках» этой проблеме отведено основное место, что иллюстрирует ее значение для Бухарина – без искоренения этого негативного наследия для нового общества невозможно было движение вперед. Лирический же герой Есенина с его «забуженной» славой гуляки и сорванца, делал, что называется, «обратную работу» – в сознании общества и в особенности молодежи, его будущего. Отсюда и резкость оценок, как в наиболее часто цитируемом отрывке «Злых заметок»: «Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки *в целом* есенинщина – это отвратительная... российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами <...> Причудливая смесь из «кобелей», икон, <...> «жарких свечей», березок, луны, <...> некрофилии, обильных пьяных слез... религии и хулиганства, «любви» к животным и варварского отношения к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на широкий размах» (в очень узких четырех стенах ординарного кабака)...»⁴³ Слова о «кобелях», «любви к животным» – выражение неприятия Бухариным противопоставления живому железного, отношения к людям как носителям новой железной и бесчувственной цивилизации. «Луна» – возможно, речь идет об ощущении внутреннего раскола, утраты жизненных сил (в таком ключе луна упоминается в стихотворениях «Метель» и «Какая ночь! Я не могу...»). «Некрофилия» – мотив смерти, также, по Бухарину, недопустимый для поэта, обязанного быть «в гуще жизни», особенно в сложное переходное время. «Пьяные слезы», «хулиганство» – прямая отсылка к «кабацким» мотивам, ставшим для Бухарина наиболее сильным раздражителем. Словами о серебряном ручье есенинской поэзии отмечен большой талант поэта, высокий художественный уровень его поэзии, что не препятствует резко негативным ее оценкам – для Бухарина не менее важен второй упомянутый выше критерий. Сходная оценка дана Бухариным есенинской поэзии на Первом всесоюзном съезде советских писателей. Есенин, как один из наиболее выдающихся поэтов, поставлен им в один ряд с Блоком и Брюсовым, однако снова перечисляются негативные черты его поэзии – «вражда к городу, мистика, культ ограниченности и кнутобойства»⁴⁴.

Еще одна тема «Злых заметок» связана с русской интеллигенцией, роль и судьба которой являлись одной из центральных тем в российском интеллектуальном пространстве на рубеже веков, в период революций и после Октября. Крайне актуальной она оставалась для большевистских

⁴² Бухарин. Злые заметки. С. 108.

⁴³ Там же. С. 106.

⁴⁴ Бухарин 1934. С. 488.

идеологов при решении масштабных задач в области культуры, идеологии, строительства нового общества в ситуации острого кадрового дефицита. В первые десятилетия нового века общественную мысль разных направлений объединяла идея необходимости для русской интеллигенции глубокого изучения окружающей действительности и активного участия в созидательной работе. При этом признавалось характерным для нее отсутствие «твердой почвы» и в силу того невозможность последней. Это положение под разным углом зрения проходит через сборник «Вехи», публицистику А. Блока, В. Брюсова, И. Бунина, работы В. Ленина, А. Луначарского, В. Полонского.

В работах Бухарина, затрагивающих эту тему, есть отсылки к «Вехам», «Инвективе товарищам интеллигентам» В. Брюсова, публицистике революционных демократов⁴⁵. По Бухарину, поэтам и писателям присущи «бессилие», «безволие», «остатки обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы». В отношении лучших из них в его статьях многократно повторяются слова «труд» и «работа» – подразумевается работа внутренняя, позволяющая глубоко осознать ключевые процессы действительности, и работа созидательная – высокоталантливое и разностороннее отражение этих процессов в творчестве. Упомянутые мотивы творчества Есенина являли для Бухарина негативный пример – ведь «поэзия воспитывает характеры»⁴⁶.

В «Злых заметках» Бухарин выступал за выражение в литературном творчестве реальных чувств, а также противоречий и конфликтов текущей эпохи («коммунисты и рабочие вообще – это не ходячие абстракции... Ничто человеческое им не чуждо. Они страдают, радуются, любят, живут, умирают... Жизнь переходной эпохи... так туго набита противоречиями и конфликтами... что здесь есть место и для драм, и для трагедий, и для комедий, и для лирики...»)⁴⁷. Но абсолютный пессимизм в отношении противоречий эпохи и вызванные ее драматизмом, как и личной драмой, отчаяние, внутренний раскол, ощущение угасания и близости смерти и, как следствие, осознанное разрушение собственной личности, цинизм не должны выступать в поэзии (с учетом ее влияния) в качестве ключевого мотива: «Слезы – допустимы. Но зачем же обязательно с пьяной икотой? Печаль – тоже. Но зачем же сразу гнилое «ваши пальцы пахнут ладаном» а la Вертинский в кабаре? ... Нам нужна литература бодрых людей, в гуще жизни идущих... знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству...»⁴⁸.

⁴⁵ Там же. С. 484, 489; Бухарин 1924. С. 35; 1993. С. 78–88.

⁴⁶ Бухарин. Злые заметки. С. 107. Под «братьями-писателями» Есенина, «пьющими горькую», по-видимому, подразумеваются имажинисты.

⁴⁷ Там же. С. 109.

⁴⁸ Там же. С. 110.

Смежной с предыдущей темой является отсутствие значительного количества желаемых образцов новой художественной литературы. За редким исключением творчества Маяковского и Горького новую литературу отличал низкий уровень и подмена художественной составляющей идеологией. Высокоталантливые произведения Есенина представляли собой успешную и опасную конкуренцию, и Бухарин подробно останавливается на этом: «Почему у комсомольца частенько под «Спутником коммуниста» лежит книжечка стихов Есенина? Потому что мы и наши идеологи не трогали тех струн молодежи, которые тронул – хотя бы в форме вредоносной по существу – Сергей Есенин»⁴⁹. Эта ситуация, в конечном счете, и обусловила появление «Злых заметок» и их резкость. «Залп по есенинщине» – все, что можно было противопоставить распространению и устойчивости негативных процессов в литературном творчестве, а через них – в духовной жизни и культуре в целом.

«Злые заметки» полностью соответствуют идеям Бухарина в отношении российского/советского общества и его культуры. Есенинская поэзия стала объектом его резкой критики не в силу ее крестьянской природы или проводимого Бухариным курса на выхолащивание литературного творчества идеологией и неприятия им национальной культуры. В есенинской поэзии содержался большой деструктивный потенциал для общества переходной эпохи, с характерным для него значительным наследием прошлого и стоящими перед ним задачами глубоких преобразований, осуществление которых, как неоднократно подчеркивал Бухарин, подразумевало «переделку собственной природы» – прогрессивные изменения в сознании, мышлении, рост внутренней и внешней культуры. Художественная литература должна была способствовать этому. Поэзия же Есенина как наиболее яркое проявление широкого направления в литературе представляла собой пример обратного и, соответственно, значительную опасность, особенно в условиях, когда «жизнь переходной эпохи... невероятно сложна» и «туго набита противоречиями и конфликтами, общественными, бытовыми, личными»⁵⁰.

Для понимания содержания и причин написания «Злых заметок», как и всех работ Бухарина, необходимо иметь представление об исторической ситуации, в которой они возникли, об основных предметах внимания общественной мысли того времени – в области культуры, художественной литературы, идеологии, развития общества в целом. «Злые заметки», в свою очередь, помогают глубже понять идеи Бухарина, так как отражают их применительно к конкретному случаю, они являются иллюстрацией к представлениям Бухарина о допустимом уровне свободы и терпимости в отношении литературного творчества.

⁴⁹ Там же. С. 109.

⁵⁰ Там же.

Источники

- А<лексей> П<ешков>. Поль Верлен и декаденты // Самарская газета. 1896. №81 (13 апр.), №85 (18 апр.)
- Горький М. Беседа с молодыми. Правда. 1934. 22 апр.
- Бунин И.А. Инония и Китеж // Возрождение. 1925. 12 окт. (№ 132). С. 2–4.
- Бухарин Н.И. Борьба за кадры. М.: Молодая гвардия, 1926. 348 с.
- Бухарин Н.И. Атака. М.: Госиздат. 1924.
- Бухарин Н.И. Революция и культура. М.: Фонд им. Н.И. Бухарина, 1993.
- Бухарин Н.И. Времена. М.: АГРАФ, 2009. 384 с.
- Бухарин Н.И. Этюды. М.; Л.: Государственное технико-теоретическое изд-во, 1932.
- Бухарин Н.И. Злые заметки // Бухарин Н.И. Революция и культура. С. 104–111.
- Бухарин Н.И. О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стеногр. отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 479–503.
- Бухарин Н.И. Речь на XXIV Ленинградской губпартконференции // Правда. 1927. 27 янв.
- Бухарин Н.И. Текущие задачи комсомола: Доклад на XVIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г. М.: Молодая гвардия, 1928. 56 с.
- Воронский А.К. Литературные силуэты // Красная новь. 1924. №1 (18). С. 271–289.
- Воронский А.К. Об отошедшем Есенине // Воронский А.К. Литературные записи. М.: Круг, 1926. С. 135–145.
- Город и деревня. М., 1925. № 3/4, 5 марта
- Гумилевский Л.И. Собачий переулок. Л.: Изд. автора, 1927. 268 с.
- Есенин С.А. Исповедь хулигана. Б/м, Б/и, 1921. 15 с.
- Есенин С.А. Москва кабацкая: Стихи. Л.: Б/и, 1924. 43 с
- Есенин С.А. О России и революции. М.: Современная Россия, 1925. 94 с.
- Есенин С.А. Преображение: сб. поэм. М.: Имажинисты, 1921. 47 с.
- Есенин С.А. Русь советская. Баку: Бакинский рабочий, 1925. 80 с.
- Есенин С.А. Стихи скандалиста. Берлин: Издательство И.Б. Благова, 1923. 57 с.
- Золотой кипяток. М.: Имажинисты, 1921. 30 с.
- Известия ЦК КПСС 1989. №1.
- Луначарский А.В. Письмо в редакцию // Известия ВЦИК. 1921. № 80 (14 апр.)
- Письмо Бухарина Горькому, после 23 июня 1925 г. // Источник. 1994. №1 (8). С. 7–8.
- Письма Горького Бухарину 1930 г. // Источник. 1994. №1 (8). С. 8–12
- Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года // Власть и художественная интеллигенция. Докты ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о художественной политике. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 53–58
- Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о пролетарских писателях. 13 февраля 1925 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 50
- РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 72–76
- Тальзин М. Неповторимый // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Сост. и коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. Т. 2. М.: ИНКОН, 1993. С. 259–281.
- Толстой А. О новой литературе // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 293–294.
- Троцкий Л.Д. Вне-октябрьская литература. Литературные попутчики революции // Правда. 1922. №224. (5 окт.)
- Троцкий Л.Д. Памяти Сергея Есенина // Правда. 1926. 19 янв.
- Трубецкой Ю. Сергей Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 171–172.
- А. Фовицкий. Смерть поэта // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 327–332.
- Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М.: Изд-во Комакадемии, 1927. 160 с.
- Устрялов Н. Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 345–356.
- Эренбург И. Бурная жизнь Лазика Ройтшванца. СПб: Кристалл, 2002. 255 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бубнов С.А. Книга стихов С.А. Есенина «Москва кабацкая» в восприятии современников поэта // Известия Саратовского ун-та. Сер. История. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3/2014. С. 96–100.
- Бубнов С.А. Поэзия С.А. Есенина в восприятии литературной критики 1915–1925 годов. Орел: Изд-во Орловского государственного университета, 2005. 165 с.

- Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве С.А. Есенина. М.: Рязанский государственный университет, 2013. 356 с.
- Горелов И.Е. Николай Бухарин. М.: Московский рабочий, 1988. 283 с.
- Гусева Н.И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945) // Современное есениноведение. Рязань, Б/и, 2005. № 3. С. 107–120
- Емельянов Ю. Заметки о Бухарине. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с.
- Занковская Л.В. Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. М.: ООО «Флинта», 1997. 413 с.
- Казарин В.П. Не верь глазам своим. Злые реплики по поводу современной интерпретации «Злых заметок» // Вопросы литературы. М., 2000. Вып. 6 (63). С. 116–117.
- Ковалев А. Бухарин Н.И. Эстетика. Критика. Стратегия культурной революции // Искусство. 1988. №12. С. 22–23.
- Куняев С.С., Куняев Ю.С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2010. 595 с.
- Лайне С.В. Николай Бухарин – литературный критик. М.: Знание, 1991. 63 с.
- Лацис О. Вступ. ст. к «Злым заметкам» // Вопросы литературы. М., 1988. №8. С. 22–35
- Лекманов О.А., Свердлов М.И. Есенин. Биография. М.: Corpus, 2011. 624 с.
- Папкова Е.А. Личность и творчество Есенина в книге Вс. Иванова «Тайное тайных» // Поэтика и проблематика творчества Есенина в контексте есенинской энциклопедии. М.; Константиново; Рязань: Лазурь, 2009. С. 300–316.
- Пашинина В.С. Неизвестный Есенин. Неопубликованные главы. Сыктывкар, 2006. 313 с.
- Прокушев Ю. Только правду // Вопросы истории. 1988. №6. С. 43–47.
- Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Сост. и коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. Т. 2. М.: ИНКОН, 1993. 203 с.
- Савченко М.М. Н.И. Бухарин и литература: Учеб. пособие. М.: Прометей, 1990. 93 с.
- Савченко Т.К. Есенин и русская литература XX века: влияния, взаимовлияния, литературно-творческие связи. М.: Русский мир, 2014. 558 с.
- Спиридонова Л. Горький: новый взгляд. М., Б/и, 2004. 264 с.
- Суровцева Е.В. Горький и Бухарин: переписка // Современная филология: Мат-лы III междунар. науч. конф. / Отв. ред.: Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. Уфа, 2014. С. 18–21.
- Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху. М.: РОССПЭН, 2008. 147 с.
- Тиме Г.А. Закат Европы как «центральная мысль русской философии». Полемика о Шпенглере в России начала 1920-х годов // Россия и Германия. Т. 2. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 460–480.
- Устинов О.А. Проблема человека в творчестве Н.И. Бухарина: Дисс. канд. фил. наук. М., 2007. 204 с.
- Флейшман Л. Пастернак и Бухарин в тридцатые годы // Дружба народов. 1990. № 2. С. 249–258.
- Фрезинский Б. Илья Эренбург и Николай Бухарин // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 305–311.
- Фрезинский Б.Я. Утопии и реальность // Бухарин Н.И. Революция и культура. С. 25–27.
- Ярошевский М.Г. Проблемы теории науки и искусства работах Н.И. Бухарина // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 85–95.

REFERENCES

- Bubnov S.A. Kniga stihov S.A. Esenina «Moskva kabackaya» v vospriyatii sovremenni-kov poeta // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Ser. Istoriya. Filologiya. Zhurnali-stika. 2014. T. 14, vyp. 3/2014. S. 96–100.
- Bubnov S.A. Poeziya S.A. Esenina v vospriyatii literaturnoj kritiki 1915–1925 godov. Orel: Izd-vo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 165 s.
- Voronova O.E. Nacional'noe i obshchchelovecheskoe v tvorchestve S.A. Esenina. M.: Ryzanskij gosudarstvennyj universitet, 2013. 356 s.
- Gorelov I.E. Nikolaj Buharin. M.: Moskovskij rabochij, 1988. 283 s.
- Guseva N.I. Diskurs russkoj emigracii o Esenine (1918–1945) // Sovremennoe esenino-vedenie. Ryazan', B/i, 2005. № 3. S. 107–120
- Emel'yanov Yu. Zametki o Buharine. M.: Molodaya gvardiya, 1989. 320 s.

- Zankovskaya L.V. Novyj Esenin. Zhizn' i tvorcestvo poeta bez kupyur i ideologii. M.: OOO «Flinta», 1997. 413 s.
- Kazarin V.P. Ne ver' glazam svoim. Zlye repliki po povodu sovremennoj interpre-tacii «Zlyh zametok» // Voprosy literatury. M., 2000. Vyp. 6 (63). S. 116–117.
- Kovalev A. Buharin N.I. Estetika. Kritika. Strategiya kul'turnoj revolyucii // Iskusstvo. 1988. №12. S. 22–23.
- Kunyaev S.S., Kunyaev Yu.S. Sergej Esenin. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 595 s.
- Lajne S.V. Nikolaj Buharin – literaturnyj kritik. M.: Znanie, 1991. 63 s.
- Lacis O. Vstup. st. k «Zlym zametkam» // Voprosy literatury. M., 1988. №8. S. 22–35
- Lekmanov O.A., Sverdlov M.I. Esenin. Biografiya. M.: Corpus, 2011. 624 s.
- Papkova E.A. Lichnost' i tvorcestvo Esenina v knige Vs. Ivanova «Tajnoe tajnyh» // Poetika i problematika tvorcestva Esenina v kontekste eseninskoj enciklope-dii. M.; Konstantino-vo; Ryazan': Lazur', 2009. S. 300–316.
- Pashinina V.S. Neizvestnyj Esenin. Neopublikovannye glavy. Syktyvkar; Kiev, 2006. 313 s.
- Prokushev Yu. Tol'ko pravdu // Voprosy istorii. 1988. №6. S. 43–47.
- Russkoe zarubezh'e o Esenine: V 2 t. / Sost. i komment. N.I. Shubnikovoj-Gusevoj. T. 2. M.: INKON, 1993. 203 s.
- Savchenko M.M. N.I. Buharin i literatura: Ucheb. posobie. M.: Prometej, 1990. 93 s.
- Savchenko T.K. Esenin i russkaya literatura XX veka: vliyaniya, vzaimovliyaniya, lite-raturno-tvorcheskie svyazi. M.: Russkij mir, 2014. 558 s.
- Spiridonova L. Gor'kij: novyj vzglyad. M., B/i, 2004. 264 s.
- Surovceva E.V. Gor'kij i Buharin: perepiska // Sovremennaya filologiya: Mat-ly III mezhdunar. nauch. konf. / Otv. red.: G.A. Kajnova, E.I. Osyaniina. Ufa, 2014. S. 18–21.
- Surovceva E.V. Zhanzh «pis'ma vozhdyyu» v totalitarnuyu epohu. M.: ROSSPEN, 2008. 147 s.
- Time G.A. Zakat Evropy kak «central'naya mysl' russkoj filosofii». Polemika o Shpenglere v Ros-sii nachala 1920-h godov // Rossiya i Germaniya. T. 2. M.: AIRO-XXI, 2010. S. 460–480.
- Ustinov O.A. Problema cheloveka v tvorcestve N.I. Buharina: Diss. kand. fil. nauk. M., 2007. 204 s.
- Flejshman L. Pasternak i Buharin v tridcatye gody // Druzhiba narodov. 1990. № 2. S. 249–258.
- Frezinskij B. Il'ya Erenburg i Nikolaj Buharin // Voprosy literatury. 1999. № 1. S. 305–311.
- Frezinskij B. Ya. Utopii i real'nost' // Buharin N.I. Revolyuciya i kul'tura. S. 25–27.
- Yaroshevskij M.G. Problemy teorii nauki i iskusstva rabotah N.I. Buharina // Voprosy filoso-fii. 1988. № 10. S. 85–95.

Коваленко Надежда Вячеславовна, преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук; el.kowalenko2012@yandex.ru

«Angry notes» as a part of N.I. Bukharin's ideal heritage

The paper deals with Nicolay Bukharin's article *Angry notes* (*Zlye zametki*) which is dedicated to the lyrics of Sergey Yesenin. The author undertakes a detailed analysis of the structure, logic, and rhetoric of this article, and studies it as an important evidence for Bukharin's ideas about the early Soviet society. To understand the reasons for the creation of *Angry notes* the author also refers to cultural and literary processes in the Soviet/Russian society of the early 20th c. The author shows that *Angry notes* were organically linked to a wide range of Bukharin's ideas. The severe criticism of Yesenin's poetry is determined by the fact that in Bukharin's view some of Yesenin's tendencies were incompatible with the current tasks of the transitional society. Yesenin's lyrics, according to Bukharin, was capable to destructively influence the society, especially the youth.

Keywords: Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Nadezhda Kovalenko, Lecturer, State Academic University for the Humanities; el.kowalenko2012@yandex.ru